

***Вы потом
всё припомните,
как сновиденье...***

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА БУСЫГИНА

К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПИСАТЕЛЬНИЦЫ НАТАЛЬИ СУЛТАН-ГИРЕЙ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПОЭТА ГЕННАДИЯ ЖУКОВА

12 +

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2025

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ
ИЗ СВОБОДНОГО ДОСТУПА СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

ТИРАЖ: 8 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО
В ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Нет тропы, дороги нет.....5

Выходец из рабочей семьи.....13

Называла себя княжной.....30

Бард всея Руси.....49

Встречающиеся в тексте понятия и термины
поясняются в словаре в конце книги.

*Убежала бусина с нитки суровой,
Побежала бусина дальней дорогой.
Вся судьба на ниточке крепко держалась,
Укатилась бусина... Экая жалость...*

Геннадий Жуков

ТРОПЫ И ДОРОГИ

Сентябрь под Вязьмой – месяц памяти павших.

Мемориал в их честь открыт к 35-летию Великой Победы.

Осень 41-го, редакция газеты «К Победе» 19-й армии Западного фронта.

Собрались здесь вместе старые друзья и единомышленники – ростовские журналисты, писатели, поэты.

Григорий Михайлович Кац, Михаил Ефимович Штительман, Григорий Борисович Гридов и Александр Иванович Бусыгин.

Через месяц 19-я армия попала под Вязьмой в окружение.

Они все погибли.

И почти четыре десятилетия будут считаться пропавшими без вести.

В той же газете работал и Евгений Самуилович Безбородов – тоже писатель и наш земляк. Он умер в госпитале.

Из военного дневника Георгия Шолохова-Синявского:

- Вообще война так перетасовала людей, разбросала в разные стороны, что потребуется много времени, чтобы вновь соединились они, разыскали друг друга.

Вот уже 5 месяцев нет никаких вестей от Штительмана, Бусыгина, Каца, Гридова – военных корреспондентов армейской газеты «К Победе».

По сведениям из Ростова – не вышли они из окружения. Если это так – остаётся только печально склонить голову.

Славные товарищи! С ними прожил лучшие годы...

Это была наша общая литературная молодость. О ней можно написать много.

Из военного дневника Алексея Суркова:

- Из многих ростовчан тех лет Гриша Кац и Саша Бусыгин мне больше всех запомнились.

Последний раз я видел их в 1941 году.

В те дни 19-я армия вела успешные наступательные бои в районе Демидова, и у всех у нас было приподнятое настроение.

А вскоре друзья наши погибли в вяземском мешке...

Маршал Георгий Жуков впоследствии отметит:

- Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении Вязьмы, мы выиграли время для организации обороны на Можайской линии.

Почти тысяча имён высечена золотом на мраморных плитах Вяземского мемориала.

Среди них:

Старший политрук Александр Иванович Бусыгин.

Политрук Григорий Борисович Гридов.

Старший политрук Григорий Михайлович Кац.

Старший политрук Михаил Ефимович Штительман.

- То были хорошие воины, - скажет Михаил Шолохов. - Мне тоже довелось быть в ту пору под Вязьмой, и я видел их в бою.

Наталья Султан-Гирей – пожалуй, единственная в мире писательница, удостоенная чести вступить в творческий союз в 85 лет...

Признали! Официально!

Вспоминается Иоганн Гёте, написавший «Фауста» в 75.

Но даже официальное принятие в Союз писателей не решило проблем: из (возможно, шести) произведений известны только два.

И хотя первая публикация состоялась в 1937 году, слышали о ней через полвека!

Повесть о лагерях. То есть, Гирей поведала о них задолго до Солженицына!

Так что, защитники его – величают «первооткрывателем» зря.

Наталья Максимовна предлагала роман о Цезаре журналу «Дон». Безуспешно.

И всё же добилась поставленной цели!

Изданы и «Рубикон», и «Флорентийский изгнанник»...

Интервью в прессе и на ТВ...

Нашёлся брат-француз...

Прекрасное доказательство, что старость – это вовсе не обязательно болячки, ворчанье и шарканье...

Наоборот! Может, оказывается, период этот быть лучшим временем для реализации задач, поставленных в далёкой юности!

А вот биография – это сразу и белое пятно, и чёрная дыра. Факты крайне противоречивы.

Постаралась сама писательница.

Уверяла, что княжна. Хотя доподлинно известно: у родителей (хоть и людей далеко не бедных) никаких титулов не значилось.

Намекала, что родом из Италии, потом утверждала, что с Кубани. Не хотела упоминать настоящие отчество и фамилию.

Биографы говорят, что её судьба схожа с судьбой флорентийского изгнанника Данте.

Наталья Максимовна почти два десятка лет провела на нарах.

Мечтала написать о Шолохове, о казаках... Не успела.

Кто-то восхищается её мужеством, кто-то – называет авантюристкой...

Да и о литературных достоинствах произведений существуют разные мнения.

Но упорство и выдержка этой женщины заслуживают огромного уважения.

- Они входили в литературу кучкой, как положено по традиции...

Выпустили в конце 80-х книжки, обыграв свои имена на латинский манер – просто, без фамилий – Игорь, Виталий, Геннадий.

Читателям ожидался классицизм – ожидания обмануты: «заозёрщики» – романтизм во весь рост.

Жуков публикуется в альманахе «Весть», рядом с «Москвой – Петушками»... И не теряется в соседстве...

В изменившемся мире (технологий, пиаров, раскруток) он жил именно как поэт, кустарь-одиночка – на земле налегке. Подхватил гитару – и в путь.

А заочных «жуковских» поклонников, исполнителей его песен, я встречал бог знает где...

В Хабаровске и в Сочи, в Сан-Диего, Рочестере, Хайфе и Берлине...

Это мнение исследователя бардовского творчества Андрея Анпилова.

«Заозёрная школа» появилась на рубеже развала СССР. Творческое андеграундное объединение поэтов Юга России.

Игорь Бондаревский, Александр Брунько, Владимир Ершов, Геннадий Жуков, Анвар Исмагилов, Виталий Калашников.

Неформалы, инакомыслящие... Брунько даже и в тюрьме посидел, и за границу просился...

Если бы не Танаисский музей (куда их в 80-м пригласил уникальный человек – директор Валерий Чеснок), это непонятное содружество, скорее всего, и не заметили.

Валерий Фёдорович оберегал: устраивал на работу – электриком, сторожем, если образование позволяло – то и археологом...

Изобретал разные справки для проверок. Заверяя своей подписью и сильно рискуя.

И на раскопках пылали языческие костры, шумели праздники, ставились спектакли, проводились фестивали, гордо носились древние одеяния, зазывно звучали флейты и гитары...

И – поэзия! Зрители собирались со всей советской, а потом – и постсоветской – страны.

Об античном городе рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Из грек – в казаки».

А стихи «заозёрников» – в сборнике «Эхо Танаиса».

Вот так, с годами, Историко-археологический музей и «Заозёрная школа» стали синонимами. А почему «Заозёрная»?

Вроде бы кто-то из донского Союза писателей так пренебрежительно их обозвал.

Почему-то ему «Озёрная школа» (поэтическое объединение английских романтиков 300-летней давности) припомнилась...

А им – которых обозвал – понравилось.

Их признали! Но, даже признавая, не забывали напомнить о «не-столичности».

К примеру, столичный критик Леонид Костюков выразился так:

- Как бы то ни было, старая «Заозёрная школа» – это как раз то, как был виден Ростов из Москвы, отовсюду...

Снисходительно по плечу похлопал...

На Дону о «заозёрниках» и, конкретно, о Геннадии Жукове снято несколько лент.

«Ростовские этюды», «Песни на социальные темы», «Здесь, под античным небом Танаиса», «Овидий», «Кочевник», «Лики Жукова», «Геннадий Жуков».

Поэт откликался по-своему:

*Нет тропы, дороги нет... Рыскает эпоха –
Будто чует чей-то след! Только... чует плохо.
Как не выправит стопы – то овраг, то яма.
А в нехоженной степи все дороги – прямо.*

Вот такие донские литераторы, очень непохожие.

Александр Бусыгин, Наталья Султан-Гирей, Геннадий Жуков.

Жуков и Султан-Гирей прожили долго, хотя Наталье довелось хлебнуть – ой как через край!

А Бусыгин навсегда остался 40-летним...

Александр Иванович – это удивительное восхищение советским человеком, «героической закалки нарождением»...

Наталья Максимовна – это удивительные знания, где и как полученные, неизвестно...

Геннадий Викторович – это удивительный «заозёрный» античный Танаис...

Многое в жизни каждому вспоминалось... Наверное, и как сновиденья – тоже.

Бусыгину – под обстрелом...

Султан-Гирей – за решёткой...

Жукову – на раскопках...

И у каждого, случалось, ни тропы, ни дороги не было. Но всё равно находили!

Тропы и дороги – у каждого свои.

Но и воспоминания – не только сновиденья, поэт продолжает:

- Вы потом всё припомните, словно награду.

*

ВЫХОДЕЦ ИЗ РАБОЧЕЙ СРЕДЫ

Донской писатель Георгий Шолохов-Синявский о произведениях своего друга скажет так:

- Мы видим бойцов, их боевые будни, непримиримость в борьбе с врагом. Люди в этих ранних произведениях как будто срисованы с натуры...

Молодой писатель словно торопился рассказать обо всём, чему сам был свидетелем!

Не заботясь об отделке литературной формы, о совершенствовании композиции и языка, избегая психологического анализа и широких обобщений.

И, тем не менее, все эти произведения глубоко правдивы, много ярко нарисованных живых сцен, метких и точных характеристик, наблюдений.

Георгий Филиппович знал собрата по перу не только как собрата по перу. Они часто встречались.

В журнале редактора Бусыгина «На подъёме» опубликован первый рассказ Шолохова-Синявского «Преступление».

Запомнили Александра Ивановича и родные писателя.

Сын Леонид Георгиевич:

- Те дни памятны приездами к нам, в Синявку, новых друзей отца.

Помню дядю Сашу – огромного, как казалось мне в детстве! Курчавого, черноволосого, доброго и всегда улыбающегося великана.

Внучка Татьяна Анатольевна:

- Летом 1928 года Александр Иванович приезжал погостить.

Вдали от Ростова у него была возможность спокойно поработать и, конечно, весело и душевно провести время на природе.

Дедушка открывал другу «свою» степь, балки, пасеки, цветущие сады... Помню его слова:

- Многие Сашины замыслы остались не осуществлённые.

Замыслы эти горели в душе художника до конца его жизни. Ни пожалел для Родины ни крови, ни жизни писатель-большевик, писатель-солдат.

Александр Иванович Бусыгин. Ростовский прозаик и журналист, военный корреспондент.

Доброволец, орден Боевого Красного Знамени.

Дата рождения – 31 декабря 1900 года.

Из рабочей семьи с Темерника.

Трудовая жизнь – с 10 лет. У многих мастеров побывал он в подмастерьях. Слесарь, плотник, маляр... Рыбак, переплётчик и даже цирюльник!

А в 14 лет пришёл Саша в депо Владикавказской железной дороги, где работали отец и старшие братья.

А через пару лет, когда уже полностью освоил премудрости профессии наладчика, парня с места сорвали и отправили в окопы.

Началась Первая мировая война.

Новобранец сразу понял, на чьей он стороне. Вступает в партию, пишет заявление в Красную Армию.

К 20 годам – и пулемётчик, и комиссар, и командир бронепоезда.
После Гражданской войны вернулся на завод.
И стал активным рабкором заводской многотиражки! Для которой не отказывал что-либо написать – уже и известным автором.

Занимался, вместе с двумя Владимирами – Киршоном и Ставским, организацией Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей.

А вот учиться Саше практически не довелось.

Он сам говорил, что университетом была жизнь. Гордился – как у Горького!

И сочинять начал потому про то, что хорошо знал: заводской цех, окопы, революционная борьба...

«Двое», «На рельсах», «Отомстил», «Повесть о Челнокове».

И лучшие его вещи – о рабочих, которых он величал «классом восходящих».

В 1926 году Ростовское издательство выпустило повесть «Посёлок Кремнёвка» с предисловием Александра Фадеева:

- Эта повесть написана человеком, который родился, вырос в этом посёлке и полюбил его, как свою «рабочую родину»...

Это – повесть о нравах современной «Растеряевой улицы».

Которая (после трёх десятков лет капитализма, после восьми лет Гражданской войны и строительства в условиях пролетарской диктатуры) не только изменила своё название, но и во многом изменила своё лицо...

Повесть не совсем выдержана в отношении стиля, не имеет чёткого

сюжета...

Но читается она с захватывающим интересом. Потому что это – одна из немногих, пока ещё, повестей, написанных рабочим и о рабочих. От души рекомендую её читателю.

Фадеев тоже стоял у истоков советской литературы на Дону. А когда он и Ставский вернулись в столицу, боевой литераторский отряд возглавил Бусыгин.

И был рабкором, газетчиком, очеркистом, одним из первых организаторов и редакторов сборников «Новинки пролетарской литературы».

Молодого автора приглашают в журнал «Лава», а середины 20-х – уже главный редактор северокавказского журнала «На подъёме».

Сотрудничает в ростовских газетах «Советский Юг» и «Колхозная правда», а в 32-м – и в органе ЦК партии, газете «Правда».

И везде находит друзей. Дружил и с Шолоховым-Синявским, и – с просто Шолоховым. Познакомились ещё на паровозоремонтном заводе.

Часто виделись в редакции, обсуждали написанное, делились впечатлениями, спорили – «охриплыми уходили!»

Как известно, в 1928 году журнал «Октябрь» начал публикацию «Тихого Дона». И, как известно, тут же начались сплетни о плагиате!

Не осталась в стороне и областная ростовская газета «Большевистская смена».

Откомандировала летом 29-го в Вёшенскую собственного корреспондента Николая Прокофьева. Для сбора компромата.

Собкор постарался: в августе – статья «Неопубликованная глава «Тихого Дона».

Газета не поскупилась на целых три номера! В сентябре новый материал – «Творцы чистой литературы».

Шолохов был просто убит – даже свои, донские... Колька Прокофьев, литературный подлец...

Писал жене:

- Ты не можешь себе представить, как далеко распространилась эта клевета против меня!

А 6 октября, в той же «Большевистской смене», вышла большая статья Бусыгина с опровержением.

С очень чётким анализом и с указанием на подтасовку фактов.

Александр ведь был одним из первых слушателей новых глав, видел черновики, был свидетелем «шолоховской дотошности» в изучении документов.

Хотя ранее – и сам (он же на 5 лет старше, умудрённее!) автору доказывал, что казачий быт чересчур идеализирован.

А Прокофьев, как говорят, стал позволять себе слиш-ком уж необоснованную критику.

И, как говорят, в 30-м расстреляли...

А Александр Бусыгин в 34-м становится членом Союза писателей и делегатом Первого писательского съезда.

Общественная работа (командировки, семинары, выступления) занимала много времени.

И он писал по ночам! С каждой книгой совершенствуясь в литературном мастерстве.

Предпочитал малые жанры – очерк, рассказ. В предвоенные годы работал над романом «Счастье».

И стал ответственным редактором художественной литературы в Ростовском книгоиздательстве.

Самым удачным произведением критика называет роман «Семья Бесергеновых».

Крестьянский уклад. Старик Бесергенов – честный, суровый. И – не признающий городской жизни.

Боится слово сказать его сын Степан – до того властный отец запугал. А у жены Степана Елены – мысли только, как детей накормить.

Бесергеновы существование своё ненавидят. Но свыклись, мысли о каком-либо изменении – на завод пойти? – только пугают.

К сожалению, завершить свой роман о рабочем классе Александр Иванович не успел.

В первые дни войны донские литераторы в составе редакции армейской газеты ушли на фронт.

Старший политрук и военный корреспондент Александр Бусыгин воевал в смоленских лесах под Ярцевом и Вязьмой.

В августе 1941 года в распоряжение приехал Шолохов.

Хозяин тут же попросил гостя написать что-нибудь, и уже на следующий день появился очерк «Пленные» (позднее – «Военнопленные»).

А в октябре Александр Бусыгин погиб.

Очень трогательно описал Михаил Александрович последнюю встречу:

- Осенью 41-го, в трудные дни отступления, увидел я Сашу где-то около Вязьмы, немцы бомбили нас.

Несколько наших редакционных машин стояли в берёзовой рощице.

Самолёт противника их нащупал и разбил, раскрошил все машины. А моя уцелела...

Тут я увидел Сашу. Он попросил, чтобы я подвёз его до политотдела дивизии. Мы поехали.

Немецкие артиллеристы тут же взяли нас в «вилку». Один снаряд разорвался впереди, другой позади. Ну, думаю, следующий снаряд наш.

Гляжу на Бусыгина, а на его лице ни один мускул не дрогнул. Только кричит:

- Врёшь – не возмёшь, гадюка!

Проскочили мы простреливаемое место благополучно.

Довёз я Сашу до нужного ему перекрёстка. Вылез он из машины, снял с подбородка ремешок каски, откинул её назад и говорит:

- Давай, Миша, прощаемся!

А голос срыгается... Обнялись мы, поцеловались, и ушёл Саша в свою редакцию.

Больше я его не видел. Погиб Саша Бусыгин.

Он, прожил честно жизнь и умер честной солдатской смертью.

Тяжело раненый в обе ноги, он нашёл в себе силы доползти до станкового пулемёта, расчёт которого был уничтожен вражеской миной, и, прикрывая отход товарищей, один вёл огонь до последнего патрона в ленте.

Похоронили писателя в братской могиле – вместе с другими донскими корреспондентами.

Спустя много лет могилу разыскали красные следопыты ростовской спортивной школы-интерната № 10.

Занялся поисками замечательный наш краевед Владимир Семёнович Моложавенко.

Его жена Людмила Сергеевна, руководительница школьного литературного клуба, организовала экспедицию.

Состоялось перезахоронение, и сейчас прах героев покоится на воинском мемориальном кладбище Вязьмы.

О Владимире Моложавенко рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Над былинной рекой».

У нас в Ростове в честь писателя-героя в Советском районе названа улица, в Ворошиловском – библиотека.

У входа на Лензавод установлена мемориальная доска:

- Здесь с 1915 по 1924 г. работал Бусыгин Александр Иванович, рабочий, писатель-коммунист, героически погибший в боях за Родину в октябре 1941 г.

Не один год занимался изучением бусыгинского творчества

Владлен Котовсков.

Владлену Яковлевичу удалось найти в архиве последние его письма. В 1975 году частично опубликованы в журнале «Дон».

Котовсков отмечает:

- В одном из них писатель-патриот писал:

- Скоро наши части на всём фронте погонят фашистов с Советской земли.

А шёл тогда 1941 год, сентябрь... Он сначала и прежде всего, был боец, а потом – писатель.

Август 1941 года. Из письма к жене.

Лидия Вадимовна Павловская, преподаватель Ростовской высшей партийной школы.

- Не бывает тому, чтобы идиоты победили могучие славянские народы. Бежит сволочь фашистская! Ой, как бежит.

Сегодня в окопе видел: нарезанные куски хлеба, а в ненарезанном торчит нож, а рядом – банка консервная.

Людоеды собирались пиршествовать, а мы их погнали, они всё бросили...

Бросают всё! А штыка боятся – ужас!

Август 1941 года. Из писем к сестре.

Варвара Ивановна Бусыгина, врач.

- У меня всё хорошо. Даже ни разу не простудился. О гриппе

совершенно забыл...

- Жизнь по-прежнему идёт хорошо. Нет дня, чтобы мы не угостили как следует «германа».

Мы всё время продвигаемся вперёд и не сомневаемся, что не далёк час, когда и другие части на всём фронте погонят фашистов с советской земли.

Видели много пленных, читал и письма к ним.

У них дело – «табак». Но огрызаются они крепко... Не поможет!..

- Большое спасибо за посылку... Я попросил сегодня Лиду прислать чесноку, неплохо, если попадётся железная баночка икры баклажанной.

Это просто хочется полакомиться, а вообще мы буквально ни в чём не нуждаемся.

Всегда горячая, вкусная и в избытке пища.

Как для нас необычно – «железная баночка икры баклажанной»...

Настолько сроднилось понятие это «икра баклажанная» с понятием «заморская» из гениальной гайдаевской комедии, что с понятием «фронт» – ну, никак не сочетается!

А, оказывается, и такой может быть ещё одна страница той страшной войны...

И сохранилось более раннее письмо Варе – деньрожденское, поздравительное. Одно из пожеланий:

- Никогда не считай в человеке за основное его мелкие ошибки. И живи веселей.

Октябрь 1941 года. Из писем к сыну.

- Юра, мы опять погнали фашистов. Это сынок, такие дряни: подыхают, а всё же хотят укусить. Но мы им все зубы пообломаем!

Юра, у меня есть для тебя интересные гильзы – фашистские и наши. Буду посылать вам посылку, пришлю.

Получил ли ты мой рассказ о Буравцеве – это была вырезка из газеты?

Пиши, сынок, чаще. Я очень рад, что ты ведёшь, как полагается пионеру. Мама написала мне о тебе. Передай привет твоим товарищам.

Жму твою руку. С коммунистическим красноармейским приветом. Папа Саша.

- Пиши о своей жизни, о школе. Смотри, не бегай за трамваем и не цепляйся!

- Юра, читал ли ты мою статью в «Известиях» от 19-го сентября?..

- Твоё большое письмо и маленький самолёт я получил. Очень рад!

- Война кончится тогда, когда мы разобьём кровавого Гитлера. Дела у нас по-прежнему идут хорошо.

Бьём фашистов, не уступаем ни вершка. У врага отнимаем наши сёла и города.

Ты прав: и на Южном фронте дела пойдут так, как у нас.

Ты читал в газетах, сколько разгромили фашистов? Очень много! И под Ленинградом им дали духу!

Когда Юра Бусыгин узнал, что отец пропал без вести, решил бежать на фронт. Подсобирал сухарей.

И на вокзале сумел проскользнуть в вагон!

Документов, понятное дело, по малолетству не было. 10 годков-то только исполнилось! 28 августа.

На случай, если выгонят, наготове версия: в Ростове все погибли, в Москве сестра, к ней едет.

Сработало!

Воинский эшелон привёз Юрку в столицу. А уж найти Союз писателей – да раз плюнуть!

Пешком дошёл.

Фадеев глазам не поверил, увидев грязного пацана:

- *Юрка, ты!? С какого света?*

- *Отправьте меня, дядя Саша, на фронт!*

- *Так сразу и на фронт? А может, сначала в баню и в столовую?*

- *Можно и в баню. Но потом всё равно на фронт.*

- *А ты весь в отца... Такой же ершистый...*

Александр Александрович хотел тем же вечером домой отправить! Но ершистый уговорил...

Маме отбили телеграмму (интересно, как объяснялись?), и сын артиллерийского полка Юрий Бусыгин окончил войну в Берлине!

И медаль заслужил – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

И за отца на рейхстаге в мае 45-го расписался! Так и написал:

- От Вязьмы – до Берлина. А. И. Бусыгин.

Все 4 года надеялся Юрка, что отыщет папу, ну, не мог он пропасть!
Писатели не стали рассказывать мальчишке о трагических свидетельствах однополчан Александра Ивановича...

Только через много лет узнал всё от Шолохова.

Они часто встречались, говорили о войне.

Каждый ведь помнил по-своему – знаменитый 36-летний военный корреспондент и 10-летний сын полка.

Сохранился экземпляр «Избранного» Александра Бусыгина с надписью:

- Другу моего погибшего отца Михаилу Александровичу Шолохову с большой благодарностью за всё.

Ю. Бусыгин 16/IX-64.

Он не сразу покинул ряды Красной армии. Окончил службу старший лейтенант Юрий Александрович Бусыгин летом 1957 года.

Защитил кандидатскую по истории. Тема – о роли партии в организации театра и кино.

Томик «Избранного» выпущен в Ростиздате в 1952 году. С шолоховским предисловием:

- Выходец из рабочей среды, сам рабочий...

Он трудно искал пути к овладению художественным мастерством.

И то, что постиг и сделал за свою недолгую писательскую жизнь, считал лишь началом, первыми шагами на литературном поприще.

Уже на фронте в качестве военного корреспондента армейской газеты, и, всё время, находясь в боевых порядках, в родной ему семье простых советских людей – защитников отечества, Бусыгин не раз мечтательно говорил:

- Если уцелею – вот о ком буду писать после войны! Какой героической закалки народище!

Не налюбуюсь!

А те, кем он любовался – скупые на похвалы наши солдаты и офицеры – с любовью и гордостью отзывались о нём:

- Бусыгин-то? Саша кучерявый? Он всегда с нами. Это – настоящий парень!

Мечтам и творческим планам Бусыгина не суждено было осуществиться...

Пусть его книга послужит ещё одним напоминанием о тех, кто отдал свои жизни за Родину, чью память мы свято чтим, кого забыть мы не вправе и не в силах...

И ещё одно небольшое упоминание.

О Николае Островском.

Ни в коей мере не умаляя подвиг и талант Николая Алексеевича (всех подробностей-то всё равно не знаем!), упомянем.

В 1926 году в ростовском издательстве «Севкавкнига» выходит повесть Александра Ивановича Бусыгина. Через 2 года публикует «Московский рабочий».

Повесть называется «Закалялась сталь».

В 1930 году в журнале «Октябре» выходит повесть Бориса Михайловича Левина «Жили два товарища». Через год публикует «Издательство художественной литературы».

Главного героя зовут Павел Корчагин.

В 1937 году обе повести попадают в список книг, подлежащих полному изъятию из библиотек и книготорговой сети.

В апреле 1932 года журнал «Молодая гвардия» начинает печатать роман «Как закалялась сталь».

Как известно, редакций несколько. Островский многое переделывал.

В более поздних версиях отсутствуют, к примеру, главы, посвящённые партийному расколу, приспособленцам, дискуссии о профсоюзах...

И убрал Николай Алексеевич эпизоды со Львом Троцким.

Писателю указывали на многие недочёты. Он соглашался, менял имена, переписывал (в соответствии с полученными рекомендациями) целые главы.

Но при этом упорно держался за первоначальное название и за имя главного героя.

И это несмотря на возможную скорую катастрофу, о которой ему уже поведали: плагиат!

Сохранились сведения, что литератора Островского очень интересовало творчество литератора Фурманова.

А Дмитрий Андреевич печатался в журналах «Октябрь» и «Молодая гвардия». Где печатались и Левин с Бусыгиным.

Редактор Марк Колосов говорил, что Николай Алексеевич ничего не знал.

Хотя поверить в это сложно – журналы-то он получал!

А когда всё же узнал, то сказал Колосову:

- Нет, ничего изменить нельзя. И с заглавием я слишком сросся. Для меня эти три буквы – КЗС – были как путеводный маяк.

Николай Островский умер в 36-м, тяжёлая болезнь.

Левин погиб в 40-м, Финская война.

Бусыгин погиб в 41-м, Великая Отечественная война.

Жёстко критиковали и Островского, и Бусыгина, и Левина. И, в основном, из-за Льва Давидовича Троцкого.

Вот как описан председатель Реввоенсовета по-Бу-сыгински.

Маленькая украинская станция. В депо возятся с бронепоездом, и ехавшие на нём матросы не знают, чем себя занять.

И находят брошенные белогвардейцами запасы спирта!

Вспыхивает конфликт с рабочими.

Пьяных вояк приводит в чувство Троцкий:

- Товарищи! - раздался сверлящий голос - Вы уезжаете на фронт. Знайте! Ваших побед ожидают трудящиеся всего земного шара.

Голос предреввоенсовета врезался в собравшихся... рассыпал искры... зажигал сердца...

Глаза предреввоенсовета вбирающе смотрели на перрон, и было в тех глазах – и горесть, и упорный призыв к борьбе.

Сверление, врезание, высекание искр...

Таким стальным виделся 25-летнему Саше Бусыгину товарищ Троцкий.

*

НАЗЫВАЛА СЕБЯ КНЯЖНОЙ

Непростая судьба писательницы Натальи Максимовны Султан-Гирей полна загадок. Неоспоримых фактов немного.

О месте рождения, о настоящей фамилии до сих пор не существует единого мнения.

Известно, что родилась 22 августа 1910 года. Возможно, 12-го.

И – то ли в Ленинграде, то ли в кубанском селе Мысхако, то ли в Генуе...

В документах представляется то Натальей Сарач, то Натальей Ивановской, то Натальей Султан-Гирей...

Утверждала, что начало рода – крымские султаны Гирей.

Но в автобиографиях никогда не указывала своего отчества. Сама себя называла Максимовной.

Хотя отец – Моисей Мордхаевич Сарач. Родом из Евпатории, одного из центров крымских караимов, из состоятельной купеческой семьи.

В Мысхако, возможно, была его усадьба.

«Сарач» – по-караимски «шорник». Может, поэтому Наталья называла отцом отчима?

Мать Ольга – дочь действительного статского советника Сергея Адамовича Шабуневича, чиновника Министерства путей сообщения. Возможно, немца.

Ольга Сергеевна знала Осипа Мандельштама, Зинаиду Гиппиус, Дмитрия Мережковского, Николая Гумилёва, Анну Ахматову, Вячеслава Иванова...

В семье Сарач – ещё сын Андрей, старше или младше, не ясно. Сестра упоминает о нём, как о «*студенте технологического института*».

Родители разошлись, Ольга снова вышла замуж. Отчим – военврач поляк Люциан Романович Ивановский.

14-летней Наташе довелось хоронить и мать, и отчима. Позднее говорила, что было уже 20.

Сироту забрали к себе сёстры Ивановского.

Известно, что училась в школе № 15, одной из лучших Ленинграда, бывшем Тенишевском училище.

По одной из версий – окончила факультет языково-материальной культуры ЛГУ и проходила стажировку в Кембридже...

Но точно известно лишь то, что была студенткой Ленинградского энергетического техникума: сохранились удостоверение и документ от 26 апреля 1938 года об отчислении «*за непосещение занятий*».

Занятия она, правда, не посещала потому, что сидела в камере.

Слово редактору её книг Владимиру Васильевичу Безбожному:

- *Она никогда в нашем с ней общении не упоминала о своих итальянских корнях.*

Но с настойчивостью и даже горячностью, абсолютно серьёзно и с демонстративной гордостью утверждала, что по отцовской линии является прямым потомком Чингисхана в 39-м колене!

Называла себя княжной, при этом считала необходимым подчеркнуть: она именно княжна, а не княгиня. Княгиней, говорила, может стать и горничная, если на ней женится потерявший голову князь...

А княжна принадлежит к княжескому роду по крови!

Знала историю Древнего Рима и Италии не на уровне смены основных событий, а на глубоком, детальном материальном уровне, а такие знания можно приобрести только по первоисточникам.

Где же и когда она это изучала?

А чем объяснить тот факт, что помимо русского владела ещё пятью языками – итальянским, французским, английским, немецким и испанским?

Французским – в совершенстве, пожалуй, даже лучше, чем русским. Не раз признавалась, что, работая, думает по-французски.

Так ей удобнее, и продуктивность повышается.

К этому можно добавить ещё и знание точных наук – довелось Наталье и преподавать.

И, возможно, греческий и латынь. Ей приписывают такой девиз:

- Моя вера – католическая, мой король – латинский язык, моя дама – творчество.

Как редактор, работавший с ней на протяжении почти 10 лет, Безбожный свидетельствует: попадались довольно сложные фразы, по-русски так не говорят.

Даже не перевод, а просто калька с иностранного.

И это при всём том, что в принципе стиль её – достаточно простой, жёсткий. Мужской – без каких бы то ни было словесных изысков.

- Возвращаясь же к вопросу об отношениях с Италией, хочется вспомнить один показательный и, я бы даже сказал, многозначительный случай.

В 99-м, узнав, что моя дочка с мужем собираются летом в туристическую поездку по Италии, она (с не свойственным ей смущением и множеством извинений) попросила привезти ей с арены римского Колизея горсть земли.

Пропитанной, как она говорила, насквозь кровью жестоко преследуемых в начале новой эры христиан.

Впоследствии завещала высыпать эту землю на её могилу.

Не думаю, что это было сделано для поддержания своей легенды, поскольку никто об этом, кроме нас, не знал.

Видимо, всё-таки с Италией связывало что-то помимо исследовательского интереса...

Из автобиографии 1937 года (отец – это отчим):

- Родилась и выросла на Кубани.

Отец, военный врач, служил в Красной Армии. Ему приходилось много разъезжать. Мы в эти годы исколесили весь юго-запад Украины.

Иногда мы с матерью оставались у кого-нибудь из бесчисленных родственников. Приходили, уходили белые, Петлюра, Махно, снова приходили красные.

Отец возвращался. Родственники добрели и не попрекали больше нас, что мы всю семью в опасность ставим.

После нескольких дней отдыха и благополучия мы укладывали вещи и ехали дальше.

В 1924 году отец демобилизовался и осел в Новороссийске. Работал курортным врачом.

В 1929 году осенью отец решил перебраться в большой город. Надо было мне «давать образование».

До этого я училась кое-как, урывками, однако успела кончить 9-летку.

Здесь путаница в датах. И что большой город – Ленинград, автор умалчивает, указывает Москву.

- Среди зимы поступать учиться было некуда. Большой город не понравился.

Я боялась автомобилей и трамваев, и перейти улицу было мучением. Отец в непривычном климате стал прихварывать.

Поступила я на работу, штемпелевать какие-то карточки. Но работа была нудная, скучная.

Зимой 31-го отец умер, и я осталась одна-одинок-шенька в чужой Москве.

Знакомые, высказав сочувствие, перестали обращать на меня внимание...

Не помню уже как, но я сообразила, что Сибирь – это замечательная страна, и там можно найти дело поинтересней штемпелевания карточек.

Далее пишет, что работала в Новосибирске продавщицей в книжном магазине, затем – в местном издательстве и в сибирских газетах.

- Моя газетная карьера кончилась в три недели.

Редактор нашёл, что у меня чересчур живая фантазия, а очерки должны быть точной копией (эти слова перечёркнуты).

С 1935 г. преподавала математику в технических кружках и на стахановских курсах.

Последнее время работала над своей книгой.

Фамилию «Султан» нигде Наталья не упоминает.

А «Гирей», видимо, псевдоним начинающего автора Н. Сарач – в связи с выходом первой повести «Шестьдесят восьмая параллель».

Началась писательская карьера блестяще! Повесть опубликовал весной 1937 года ленинградский журнал «Литературный современник». Как оказалась Наталья снова в Питере – неизвестно.

Итак, строительство нового северного города – Хибин. Это Хибиногорск на Кольском полуострове, после убийства Сергея Кирова переименованный в Кировск.

Рассказ о «перековке» сосланных врагов народа. Главный герой – Олесь Шовкошитный, «кулацкий сынок», *«полный идей национальной украинской романтики»*.

Не хватило духа убить председателя колхоза, так застрелил собственную лошадь! Чтобы не возила воду для пролетариев. Так и попал в лагерь.

Ленинградские критики оценили высоко – второе место на областном конкурсе!

Критик Николай Свирин заявил:

- Повесть – и талантливая, и таковая, что будет производить впечатление, что её писал не начинающий автор, а профессионал.

Это сказывается в языке, в умении построить диалог, в обрисовке круга людей и в построении сюжета.

Хочется подчеркнуть, что вещь сюжетно очень острая, и поэтому такая, которую трудно бросить, начав её читать.

Это большое достоинство.

27-летнюю Наталью принимают кандидатом в члены Союза писателей.

Гослитиздат города на Неве к 20-й годовщине Октябрьской революции готовит отдельный выпуск.

А у самой писательницы – в расцвете роман с корейским лётчиком! Сик Цой, возможно, сокурсник Василия Сталина по Качинскому военному авиаучилищу.

Её «принц белых лебедей-самолётов»...

Но эйфория – явление быстротечное. Вышла рецензия Макаренко, крайне жёсткая:

- То, что написано на 150 страницах этой повести, оставляет у читателей впечатление тяжёлое.

Книга сделана настолько неудачно, с таким нарушением законов перспективы, с таким преобладанием вражеских тонов и вражеских слов...

С таким завуалированным советским горизонтом, с такими подозрительными сравнениями и с такой холодностью...

При всём моём желании быть снисходительным к молодому автору, я не могу быть снисходительным.

Рецензию эту разыскал марбургский профессор-макаренковед Гётц Хиллинг.

Опубликовал под названием: «Антон Макаренко contra Наталья Гирей».

Антон Семёнович в 1937 году был уже известным писателем, но признавался, что в реалиях мира литературного разбирался плохо.

Возможно, решил так помочь своему покровителю Фадееву.

Александр Александрович через год возглавил Союз писателей СССР. И – по слухам – на пути к должности не поделил что-то с ленинградцами.

И взгляд на «Параллель» резко изменился. Вот заключение Николая Лесючевского:

- Политическая вредность, враждебность повести очевидна. Как же могло случиться, что её опубликовал советский журнал?

Более того: почему некоторые критики и работники журнала и издательства подняли повесть на щит?

Выдающееся произведение, «открытие» журналом замечательного автора?

Ротозейство, политическая близорукость и слепота ещё находят себе место в литературной и издательской среде. История с повестью Гирей – печальный и суровый урок.

Конечно, уже никакого Союза писателей...

Из Союзного президиума даже исключён (голосовавший «за») редактор «Литературного современника» Михаил Козаков.

Наталья, не выдержав, попала в психиатрическую больницу.

Присылала наставнику по работе с молодыми авторами Сергею Семёнову записки с просьбами забрать:

- Здесь самый воздух пропитан болью и человеческим горем...

Если хотите сохранить во мне хоть кусочек не измученного, не истерзанного до конца, возьмите меня как можно скорей отсюда.

Семёнов помог перевестись в санаторий «Орлино».

Далее – привлечение к ответственности по 58 статье (контрреволюционные преступления).

В обвинительном заключении от 25 сентября 1938 года говорится:

- Следствием установлено, что Сарач-Гирей среди окружающих лиц вела антисоветскую агитацию, распространяла клеветнические измышления о руководителях ВКП(б) и советского правительства по основным хозяйственно-политическим вопросам.

Выражала сожаление о расстреле участников троцкистского правого центра.

Виновной себя не признала.

Вердикт – 5 лет лагерей. Вскоре расстреляли и Цоя. Наталья писала Семёнову:

- У меня отняли право на моё человеческое горе...

Что и как, конкретно, случилось – понять очень сложно.

В своём романе-автобиографии «Дитя века» причисляет она себя к блокадникам.

И отодвигает арест на 12 лет – уже на послевоенное время. И выходит замуж за корейца.

Говорила, что *«в этом романе её жизнь представлена такой, какой хотела бы видеть её в памяти потомков»*.

Начинается война, и муж уходит на фронт. Жена эвакуироваться не стала, ухаживала за больной тётёй. И пережила все ужасы блокады.

А после войны мужа за какую-то неосторожную фразу арестовали.

И её – тоже. А она беременна, и расстрел заменили на четверть века лагерей.

Ребёнок родился мёртвым, но возвращать прежний приговор не стали.

Но не только немец Хиллинг занимался разысканиями.

Писательница из Батайска Галина Григорьевна Ульшина тоже нашла в архиве документы.

- Цой Сик, лётчик, директор совхоза им. Баумана Каракольского р-на Киргизской ССР.

Состав семьи – жена Цой Ядвига Фоминична, 1899 г. р.; дочь Цой Тереза (дата рождения не указана).

Так что, законным мужем Сик Цой – был вовсе не Натальи Сарач...

Обвинений директору совхоза предъявлено много. Но вот одно заслуживает особого внимания:

- С 18 по 21 год неоднократно нарушал границу из Китая в СССР и обратно.

А это уже – и есть 58 статья Уголовного кодекса СССР.

В 1989 году Цой посмертно реабилитирован.

По поводу меры наказания самой Натальи – явный перегиб. Начинаящую писательницу к смерти не приговаривали.

А, вообще, причина ареста могла быть совсем в другом.

На следствии она утверждала:

- Никакой антисоветской деятельности я не вела, и никаких политических единомышленников из контрреволюционеров у меня нет.

А через много-много лет Наталья Максимовна рассказывала, что помогла денщику своего отчима перейти советско-китайскую границу.

Причём, перебежчик ещё и двух пограничников убил.

- Я сидела за дело.

Факт реабилитации – не после смерти Сталина, а лишь 17 августа 1989 года, – ещё один аргумент (как утверждают юристы), свидетельствующий о куда более серьёзном, чем публикация какого-то чтива, проступке.

Что сказать? Фадеев после XX съезда застрелился.

Лесючевский прожил 70 лет, умер в своей постели. Но остался – в памяти коллег по перу – организатором травли писателей.

Макаренко, не ожидавший подобного исхода, стал высказываться намного осторожнее.

Наталья Сарач-Султан-Гирей арестована 1 апреля 1938 года, а через год, день в день, умер Антон Семёнович.

Ирония судьбы?

Арестованную отправили под Соликамск. И ещё 10 лет лагерей «за контрреволюционную агитацию» с поражением в правах на 5 лет.

В 1949 году уехала она на Иссык-Куль и устроилась сторожем на лесосплав в посёлке Рыбачий.

И новый срок – 25 лет по той же самой статье. Отправили в Приамурье.

Снова освободили, вероятно, в 57-м.

В общей сложности провела за решёткой 18 лет.

Ульшина считает, что именно в лагерях Наталья Максимовна приобрела свои лингвистические знания:

- Я думаю, более экстремальной языковой практики ещё никто не выдумал.

Многие бывшие зеки в своих воспоминаниях пишут, что преподавателей в лагерях было более чем достаточно.

Даже для получения академического образования.

Хотя, не спорю, главным было в тех обстоятельствах – просто выжить.

И в каком году освобождена, понять невозможно, архивные документы не дают таких сведений.

Освобождённая помнила, что в далёком Батайске живёт далёкая родня. И отправилась на Дон.

Но здесь родственнице с клеймом «врага народа» не обрадовались.

Снова одна. Долго не могла устроиться на работу, наконец, взяли сторожем на одну из батайских строек.

У этой работы было одно неоспоримое преимущество: свободное время.

Наконец-то можно писать!

В 76-м перебралась Наталья Максимовна в Ростов и занялась репетиторством – языки не забыла!

И договаривалась с родителями своих учеников об условиях: у одних обедала, у других раз в неделю принимала ванну.

И занималась со студентами-иностранцами мединститута. И много работала в библиотеках.

И жила поначалу крайне скромно. Зимой снимала койку в маленькой комнатке в коммуналке.

Летом, в целях экономии, переселялась в сарайчик, где хранились дрова и уголь.

Там же стояла железная кровать, к ножке привязан любимец – чёрный кот Дон Филипп.

Большое участие в судьбе Натальи Максимовны приняла молоденькая таксистка Галина Цой.

В будущем – поэтесса и прозаик.

Познакомились случайно – в дождливый день Галя решила подвезти пожилую женщину, та шла по улице без зонтика.

Стараниями Галины Григорьевны писательнице выделили комнату в коммунальной квартире на улице Станиславского.

- Когда моя приятельница узнала, что я замужем за корейцем Цоем, призналась, что и она была замужем за корейцем.

Представляете? Тоже Цоем!

На новом месте постаралась Сарач устроить своеобразный уют...
Собрала на мусорках кое-какую мебель.

Нашла старых плюшевых мишек – сшила им одежки и посадила на подоконник.

Очень любила кошек. Все стены маленькой комнаты обклеила картинками с кошачьими мордочками!

Говорила:

- Если ты любишь по-настоящему животное, то отдавать ему нужно не объедки.

И Галина рассказывала, что, если варилась курица – то для Дона Филиппа. Бульон был для хозяйки.

Вот в это ростовское время и сложилась литературная судьба Султан-Гирей: издаются два исторических романа. Юлий Цезарь и Данте Алигьери.

И находится двоюродный брат – во Франции.

Михаил Сарач – очень успешный юрист, академик РАЕН. Участник Сопротивления!

И меценат. Как рассказывали, помогал караимам Москвы, Санкт-Петербурга, Крыма и Ростова – по сто тысяч долларов в год.

Михаил Семёнович отозвался – обрадовался, переводы отправлял, звал в Париж!

Но сестра не уехала.

Небольшие гонорары за романы и парижская помощь избавили от репетиторства.

Она даже обзавелась новым постельным бельем и стала делать маникюр!

И продолжила писать. Окончила роман «Дитя века», частично опубликованный в ростовском журнале «Донское слово».

Право распоряжаться рукописью принадлежит редактору этого журнала Александру Крахалёву.

Вот несколько глав из 700-страничного романа и напечатал. А далее сетует на отсутствие средств.

В Архиве РГАЛИ находится роман «Митридат», но и у Архива нет денег на публикацию.

Владимир Безбожный:

- Факта своей первой повести она не скрывала, говорила о ней часто, но в таком тоне, который должен был дать понять слушателю: это всего лишь первая неумелая проба пера.

О конфликте с Макаренко не упоминала и подчёркивала, что большого внимания эта повесть не заслуживает...

Зато с обидой рассказывала о том, как после своего освобождения (но ещё реабилитированная) вынуждена была отдать 2 или 3 книги в чужие руки.

Особенно сокрушалась по поводу романа «Скифы»!

Его согласился издать под своим именем один довольно известный татарский писатель, обещал всяческую поддержку.

Но после выхода книги в свет не только не поделился с подлинным автором гонораром, но и вообще порвал все отношения.

На сегодняшний день существует несколько разных романов «Скифы» разных авторов. Принадлежит ли какой из них перу Натальи, неизвестно.

Ушла из жизни Наталья Максимовна-Моисеевна Сарач-Султан-Гирей 9 августа 2001 года.

Девяносто один год назад мать крестила её по канонам евангелическо-лютеранской церкви.

Так и отпевали, специально приглашали ксёндза.

Гробницу оплатил Союз писателей.

Что сказать по поводу повести «Шестьдесят восьмая параллель», из-за которой – официально – исковеркана судьба этой странной женщины?

Если честно, ничего особенного, в литературном отношении, не представляет.

Обычная производственная тема. На эту же тему существует множество куда более талантливых вещей.

Конечно, кулацкий сынок Олесь Шовкошитный перековался, но описано перекование так, что верится в него – ну, с очень большим трудом...

Так что абсолютно прав был Антон Макаренко.

И так же, но более мягко, ответили в редакции газеты «Кировский рабочий»:

- Написано даровито. Но у вас получается, будто Кировск строили одни кулаки. А разве так было?

И даже разоблачения кулака ваши вызывают неприятное чувство: у них не тот тон.

Выходит, окраинная сибирская газета оказалась прозорливее питерской?

И, может, чтобы показать своё столичное превосходство, питерцы и «подняли повесть на щит»?..

О тогдашней Наталье Сарач подробно рассказывает хибинский геолог Мария Филипович.

У неё – свой автобиографический роман о той эпохе. «Легко обуты ноги».

Наталье (в романе – Ксане Сарыч) посвящена целая глава с говорящим названием «Врагиня».

Мария Иосифовна оставила портрет:

- Смуглая, как турчанка, тонкая, босиком. На ней косо висело зелёное платье без рукавов.

Глазницы её казались перегружены тёмными глазами. Говорю не о величине глаз, а о весомости взгляда.

Невысокие брови срослись.

Продольно-овальное восточное лицо с несколько удлинённым носом казалось то красивым, то нет.

Дымка усиков темнела над мечтательно сложенным ртом.

Улыбку ей портили клыки, немного выдаваясь из плотных зубов.

И сама Наталья Сарач, и её повесть не понравились Филипович.

Она тоже не понимала: неужто только рукам раскулаченных все обязаны?

- Слова Ксаны меня озадачили. Разве куркули построили Кировск?

То есть они, конечно, участвовали в строительстве, поскольку их сюда навезли, но их сила тут не главная.

Когда я высказала это, Сарыч ответила:

- Вы знаете своё, я знаю своё.

Я не выдержала:

- Жалко мне вас, как бешеную собаку. Мне жалко ваш дар, Ксана. Вы хотите отвратительно употребить его.

И если уж признаться, не хочется мне дышать одним воздухом с вами. Не хочу!

Что в романе Филипович действительности соответствует, а что – нет, никто не знает.

Геологиня пишет, что Ксана влюбилась в раскулаченного якутского князька, ноги ему мыла...

Пыталась соблазнить коммуниста...

Занималась ворожбой...

Резала себе вены...

А в Ленинград вернулась, как научили: заползти надо в ящик под вагоном и скрючиться!

Но приводит Мария Иосифовна такой факт из биографии своей героини:

- Видимо, действительно любила Олеся. И вступалась:

- Для вас он – монстр и административно высланный, а для меня – королевич!

Но тот её не замечал...

После публикации (где он был одним из главных персонажей) приехала в Кировск и попросила соседского мальчишку отнести журналы Олеся.

Но тот вернул их неразрезанными.

Ульшина написала о Султан-Гирей роман – «Хазарская халва утешения», издан в Торонто.

Как и в любом художественном произведении, факты переплетаются с вымыслом.

Галину Григорьевну всегда привлекало творчество личностей, скажем так, нестандартных.

Интересовала и судьба поэта Жукова.

*

БАРД ВСЕЯ РУСИ

*Он – вернулся в столичном лоске,
Развесёлый ростовский Сократ,
Похождений своих отголоски
Увеличивая стократ,*

*Углубляя романы в раны,
Многогласым стихом круша –
Чтоб... декабрьским рассветом ранним
Ироничные губы... сжать, -*

так отзывалась Галина Ульшина на его кончину.

Геннадий Викторович Жуков.

Художник, техник, химик. Поэт.

Сборник «Эпистолы», Ростов, 1989 год.

Второй, «Не ходи сюда, мальчик», издала Москва – только через 20 лет. Посмертно.

Тогда же, в 2009-м, в одном из залов Музея «Танаис» открыли экспозицию его памяти.

Член Российского союза писателей.

Заведовал в столице кафедрой художественной литературы в Университете методологии знаний и сотрудничал в Академии поэзии.

Автор международного проекта «Автор-Уникум» под эгидой ЮНЕСКО, руководил Театром элитарных искусств.

Выступал на фестивалях и концертах авторского исполнительства по всей стране.

Часто получал приглашения в жюри.

Сохранились многочисленные записи песен – студийные, концертные и «квартирные»...

Часть из них составили альбомы – в том числе, и не-студийные – «Казанский», «Красноярский», «Петербургский», «Ростовский»

И отдельно – «В два голоса», «Перекрёсток».

Поклонники величали одним из наиболее поэтичных авторов и исполнителей современной авторской песни.

И основоположником бард-рока. И «бардом всяя Руси».

Его коллега из Иваново Саша Непомнящий отзывался так:

- Этот человек «фигурировал» по стезе бардов, но на афишах обозначал себя как «рок-бард».

Он вёл мастерские, где слушал поэзию как таковую и с самого начала не делил: рокеры – направо, барды – налево.

Поскольку был знаком хорошо и с рок-культурой, и с поэзией.

...Кстати, тот же Д'ркин при жизни был мало кому известен, и на сцене оказался почти случайно.

Геннадий Жуков шёл по лагерю, услышал песни, доносившиеся из-под какого-то куста, и, обрадовавшись находке, взял их автора за шкуру, чтобы потащить на сцену.

Дочь Евгения:

- Нет, он себя рок-бардом называл в шутку, потому что не нашёл какого-то термина. Он говорил, что он поэт, акын.

- Я пою сложную поэзию, пытаюсь положить её на музыку.

Он сам не знал, в каком жанре поёт... Но говорить, что он основоположник бард-рока – глупо.

В это же время существовали Башлачёв, Янка Дягилева.

Он был с ними знаком. Очень сильно переживал, когда ушли эти молодые ребята.

Барда вся Русь приглашали Израиль, Англия, Германия, Франция. Он не отказывал, но и не торопился.

Родился 4 сентября 1955 года в Ростове.

Сведений о детстве и юности – почти никаких.

Старший Гена и младший Игорь жили с мамой, об отце – вообще ничего.

Но вот его стихотворение «Малиновое варенье». Практически – описание дворянского быта.

«Детство Никиты», «Детство Тёмы», «Детство Багрова-внука», просто «Детство»...

*Сквозь дверь проступало дрожание света,
Шуршание платьев, волнение складок,
А воздух за дверью был розов и сладок,
Как в детстве – в малиновых недрах буфета.*

*Как в детстве влекла меня сладкая сила.
В тягучей истоме, в дремучей истоме...
Я долго стоял, опершись о перила,*

И чуял всем телом, что делалось в доме.

*А там – о стаканы звенели бокалы
И чайные ложки – о чайные чашки...
И запах тянулся, как сок из баклажки,
И был он малиновый, розовый, алый...*

*А главное – в речи пространной и длинной
Слегка намекнуть на семейный скандал,
Когда я в буфет набегал за малиной,
Но в праздник над полной тарелкой скучал.*

Жуковы обитали на 13-й Линии – в ростовской Нахичевани. Маленькая квартирка (или коммуналка?) на улице имени Василия Журавлёва, в рабочем квартале.

Какое уж дворянство...

Старожилы рассказывали, что на том краю Жуковых – в каждой подворотне! Почему-то до революции было в армянском районе много подкидышей.

И какой-то Жуков (то ли купец, то ли священник) не отказывался крестить и давал свою фамилию.

Кстати, именно потому так много в Таганроге Чеховых – Антон Павлович тоже всех крестил!

Так что, бытие нахичеванское больше смахивало на комедию «Покровские ворота» Михаила Казакова.

И откуда у маленького Гены такие «малиновые» страсти – «перила», «шуршание платьев», «речь пространная и длинная» – загадка.

Писать начал он рано. Обо всём, но главное – о любви. К жизни. К степи. К женщине.

*Не уходи. Я жизнью заплачу
За твой побег... Вернёшься – не заплачу,
Не засмеюсь, от ревности не вздрогну,
От боли, от былой, – не закричу.*

*Нам высший смысл ниспослан с высоты.
Смысл этой жизни странной и короткой,
Смысл жизни – жить! Тебе я буду лодкой
Средь моря этой смертной суеты.*

В 1970 году, после 8-летки, поступил Гена в Радиотехникум. И ушёл из дома.

Жил в общежитии и играл на барабанах в техникумовском ВИА «Три Кварка».

«Заозёрник» Владимир Ершов упоминал ранние жуковские рок-н-рольных опыты, по примеру «Битлз».

Ростовский радиотехникум – «старейшее на Дону специализированное учебное заведение, созданное «По высочайшему повелению» в 1900 году.

Тут гордились своими вековыми традициями.

И до горбачёвской перестройки готовили специалистов для обороны – авиационной промышленности.

Во время войны это учебное заведение имело такую значимость, что немцы, наряду с военными заводами, разбомбили и его.

Это здесь Геннадий «заразился пафосом военспеца и очень гордился!»

И писал о войне – тоже, по-своему:

На обходе ему промолчали врачи: обречён.

Он услышал молчанье,

сказал: - Что вы, братцы, ей-богу...

Как под сердце толкнёт

проржавевший обломок металла

Проскользнувшая – мимо уснувшей сиделки – война.

...Безмятежное тело таскало под сердцем беду.

Волочилась война по пятам, как настёрная сводня...

Где убит ты, солдат? Ты, что умер на койке сегодня...

Ты, что умер сейчас... –

всё смешалось – в том дальнем году?!

По окончании получил специальность инструктор-дозиметрист радиационной и химической разведки 3 класса.

Служил в армии в ПВО на границе с Ираном, был командиром взвода.

Владел карате, с подпиской о неприменении.

Дочь Евгения:

- Сразу после армии Геннадий не удержался и всё-таки избил какого-то хулигана.

И попал в милицию. Вытаскивал папа его подруги, который был каким-то военным начальником.

И всё. Больше знаний по карате он не применял, потому что боялся убить.

Один раз пришёл сильно побитый. Говорит, что их было пять человек. А он лежал и ждал, когда же они устанут...

Владимир Ершов:

- В 2008-м мы получили по голове прямо у моих дверей – в нас пшикнули газом.

Я очнулся в палате БСМП. Жуков в больницу не поехал. Это его подстерегали, хотели ограбить.

Нашли 150 рублей. Больше у него не было. И корочки Союза писателей.

Он был в белом костюме. И вышел ночью в магазин за чекушкой... Самое смешное, не взяли и водку.

А с конца 70-х жизненной школой и своими университетами Геннадий считал именно Танаис:

Войди в сей город, путник, без сомненья,

Как в дом радушный друга своего.

Он не ушёл. Он вышел на мгновенье –

На два тысячелетия всего.

Уезжал, надолго – в Ростов, в Коктебель, в Москву, в Ленинград...
Но всегда возвращался.

Городская суета была не для него. И называл себя танаитом.

Радостны мы, танаиты. Праздничны наши одежды.

Радостны наши печали. Празднична наша тоска.

Тысячелетний некрополь наши венчает надежды.

Наши стопы омывает с мёртвым названием река.

Говорят, что Жуков и Танаис неразделимы.

Здесь он собственноручно заложил фундамент «Башни поэтов». И рассказывал, как жалко было выкорчёвывать куст шиповника, мешающий кладке...

- Мне так нравилось проживать каждую сущность, каждое мгновение.

Как мне нравились эти дурацкие черепки!

Когда я смотрел на них в Эрмитаже, под охраной: вот стоит то, что я держал в руках, с чего грязь счищал!

Вообще, это неправильно, когда здесь пытаются наладить «нормальную» жизнь.

Представь себе христианское кладбище.

Меж двух крестов протянута верёвочка, и на ней трусы сушатся. А на могиле стоит электороплитка, скворчит на ней что-то...

Мы-то здесь тоже обитаем на таких могилочках, на некрополе.

Какая уж тут нормальная жизнь, на костях-то!

Геннадий написал пьесу «Афинянин» – о гибели Танаиса.

Город умирал 2 раза. Сначала пожар, устроенный готами в III веке нашей эры.

А через 200 лет – совершенно непонятно: танаиты просто исчезли. Просто в одночасье! В подвалах остались амфоры с зерном, с маслом, с вином...

Версий много. Жуков придумал свою. И «Афинянина» здесь разыграли.

Правда, неясно: то ли Таганрогский драмтеатр, то ли любительский с завода «Красный котельщик».

А 11 сентября 1987 года в Ростовском ТЮЗе состоялась премьера рок-драмы «Собаки». Либретто – Геннадия Жукова.

Евгения:

- Рок-опера эта – была, наверное, первой в СССР.

Ему это было близко: рок, молодёжная тематика... Сам процесс ему был интересен – песни создавались общими усилиями.

Папа придумывал музыкальную основу, а композитор Дмитрий Негримовский со своими музыкантами перекладывал её на свои инструменты.

О Театре юного зрителя рассказано в другом сборнике Библиотеки – «И катаются ростовчане от Ростова к Нахичевани».

Рок-драма стала классикой жанра. Ей рукоплескали в Германии, Франции, Турции, Мексике, Японии.

Спектакль 15 лет не сходил с мировых сцен. Сыгран почти четыре сотни раз!

Кстати, на прощальный показ автора либретто почему-то не пригласили. Он особо не обиделся, но и не забыл.

Если при нём заводили разговор про «Собак», сразу мрачнел...

Рассказывали, что вообще часто бывал мрачным, в гневе (что-то не получалось) разбил гитару...

Говорил мало.

Но, если уж говорил, голос производил впечатление даже на тех, кто русского не знал!

Носил чёрный перстень. Дочь упоминала, что незадолго до смерти снял и забросил в степь...

- Папа был погружён в античную философию. Диоген... Человек, пьющий с руки, живущий в бочке... Всё своё ношу с собой...

Дом, как он говорил, это место, через которое проходит охотник. Так он и прожил.

От него всегда исходило ощущение спокойствия. Он прожил им самим написанную историю.

В рамках мифа о себе, который он же и придумал.

Каждый закуток Танаиса он считал своим домом. И очень болезненно отнёсся к сносу бунгало, где он когда-то жил.

Для него это место было родиной. Там он был самым собой, там он ощущал себя в своей стихии.

Бунгало снесли по причине того, что постройка не была зарегистрирована, и под ней необходимо было провести раскопки.

Это археологическое правило – прежде чем что-либо строить в таком месте, необходимо провести раскопки.

Раньше не трогали, пока директором музея был Валерий Чеснок.

Потом пришло новое руководство.

Несмотря на то, что из мебели в этом бунгало был только матрас, эта техника (во многом – собранная его же руками) являла престранное зрелище прямо посреди степи...

Оттого, что сваи были довольно высоки, а ко входу вела крутая деревянная лестница, жилище это имело вид некой недостижимой собственности небожителя.

Изнутри же бунгало ощущалось как комфортное, чуть небрежное гнездо божьего холостяка.

«Бунгало» – это такая своеобразная, «заозёрниками» собранная, хижина. Какие-то щиты. По слухам – позаимствованные из ТЮЗа крепления для декораций...

Отапливалось калорифером. Что тоже было головной болью директора: далеко не всегда хозяин бывал трезв и следил за обогревателем. Но обходилось.

Давно уже на этом месте – комфортабельный туалет. Для посетителей, конечно же, очень кстати.

С этим «небожителем» связано невероятное количество историй.

Хотя бы та, что деньги на первое издание собирались по почте.

Автор списался почти со всей областью с просьбой выслать по рублю. Область откликнулась.

В денежном эквиваленте – пятью тысячами. Кто-то не пожалел и больше рубля...

«Эпистолы» пачками уходили фанатам, разным литературным объединениям... И попали как-то за рубеж.

Зарубеж заметил. И перевёл. На французский – в Лионе и на английский – в Дании.

Вообще, стихи переведены на шесть языков.

Получил автор оплату.

Деньги, кстати, были неплохие, чуть ещё подсобирать – и можно купить в Недвиговке домик.

Но гонорар быстро испарился – скорее всего, просто пропили. Автор взял гитару и поехал по Руси – от Норильска до Баку.

Кто же он был? Бродяга-поэт, бард, песенник, драматург?

На просторах интернета выложена его «Совсем краткая биография».

Много юмора, скорее – даже сарказма.

- Бард, поэт, из-за стихотворения «Иван Идульгеныч», посвящённого Ивану Афанасьичу Бондаренко, первому секретарю обкома, и ряда других проказ на этой почве, бежал сам на берега Меотиды (оно же Азовское море).

Совсем не жаловался, разве что бесснежной зимой, мокрой весной, душным летом и мерзкой осенью.

Реальное образование у меня 8 классов.

В связи с этим, я почётный профессор Римского футурологического клуба – профессор методологии худ. литературы.

У меня, также, дополнительное образование – 2 курса коридоров Радиотехникума, плюс опыт барабанов в актовом зале (ВИА «Три Кварка»).

В связи с этим я очень хорошо разбираюсь в радиотехнике и электропроводке, а также пишу нехилую музыку, категорически не зная нот.

Мама мне всё детство говорила:

- Ты только болтать умеешь!

С тех пор я большой русский поэт.

С 15-ти лет я не живу с мамой и с 27-ми лет я не живу нигде (с тех пор я живу везде).

Забавный случай: как-то на фестивале в Ростове, куда я приехал из Москвы, я отпел.

И обнаружил вокруг себя человек 15 поклонников, которые внимательными глазами смотрели на меня, требуя продолжения банкета.

Потом я женился, со мной развелись. Много трудился, лишь бы не работать.

Потом случилась «Заозёрная школа», и – давай случаться!

*Ах, быть поэтом ветрено и мило,
Пока ещё не кончились чернила,
И авторучка ходит на пуантах
Вслед музыке печали и любви.*

Владимир Ершов:

- 1976 год. Я тогда художником ТЮЗа был, а только что демобилизовавшегося Геннадия приняли рабочим сцены.

Был и сторожем, и радиотехником, и электриком.

Помню, что он сделал некий агрегат из старого комбика – шедевр радиотехники!

В агрегате был и проигрыватель, и кассетник, и радио. Детям он ставил на ночь пластинку сказок, и мы под неё засыпали.

Куда делся агрегат, я не знаю...

Он всё время что-то починял, у него была любовь к этому делу и какое-то понимание, как это всё работает...

Рукастый был человек. Дома, на Журавлёва, он сделал робота – получился ящик типа «Ригонды».

Ящик на колёсиках ездил по квартире, в него были вмонтированы магнитофон, приёмник, таймер, телефон. Робот мог заварить кофе, разбудить.

Насчёт кофе – может, и сказки, но и Женя подтверждала, что очень любил папа мастерить:

- Делал из кожи красивые вещи с камешками, портсигар кожаный с камнями, часы кожаные.

А ещё хотел заставить большие часы на баше ростовского ЦУМа играть специальную «городскую» мелодию – не вышло:

- Такая удручающая история получилась!

Там огромные молотки, шестерёнки, и чтобы настроить всю эту музыку, нужно вручную переводить на какую-то ноту...

А ещё очень любил рисовать. И очень хорошо рисовал!

Хорошо рисовала и мама Жени. Хорошо рисует и сама Женя.

Гостил Геннадий как-то в Коктебеле.

Хозяева рассказывали, что осенней ночью 71-го они тайно перезахоронили Нину Миронову к мужу – писателю Александру Грину. Согласно её завещанию.

Он и верил, и не верил...

Он бы, может, и не гостил, но гостила здесь и красавица Маргарита Терехова, рассказывала о фильмах, в которых снималась.

И о режиссёре Андрее Тарковском.

*А я был в Крыму. Танаис потихоньку затих –
Я был там с актрисой в последнее из воскресений:
Зовут Маргарита (фамилия комкает стих),
Ну, эта, что в «Зеркале» или в «Собаке на сене»...*

Такая фамилия – Тарковский!

А он же специально ездил по стране, дабы попасть на семинар режиссёрского отца – Тарковского Арсения!

- Я зашёл в комнату девочки. И там была большая библиотека. Я стал читать...

Это не то, и это не то. И вот я открыл Тарковского. И вижу: да, это поэзия.

Девочка – будущая жена Инга Маневич.

Ершов рассказывал о знакомстве, в ТЮЗе Инга была его помощницей:

- Инга его тут же послала за пивом. Геннадий стал захаживать к нам, на Ингу посматривать.

Оказалось, что он на гитарке играет, стишки пишет...

Жуков был могучим парнем.

И когда он уволился, на его место взяли двухдохлых поэтов – Брунько и Бондаревского, монтировщиками сцены.

Я перезнакомил его со всеми поэтами и поэтессами, которых знал.

А потом с 80-го мы все уехали в Танаис. И стали «степенными» поэтами. От слова степь...

Стали по-спартански жить.

И кто ж тогда мог знать, что этот смугловатый... парнишка... станет через какое-то время Геннадием Жуковым, нашим акыном, голосом наших сердец?!

В 1992 году придумал акын новый проект. Караван «Катарсис. Дионис. Крым».

Как известно, Дионис – бог виноделия.

И вот идёт он по берегам Понта Евксинского, за ним женщины и дети танцуют, вино льётся рекой.

Все в праздничных хитонах и туниках.

Маршрут:

Судак - Феодосия - Старый Крым - Кировское - Нижнегорск - Белогорск - Симферополь - Бахчисарай - Севастополь - Ялта - Алушта - Судак.

Караван въезжает в города на телегах. Вечером зажигались факелы, из телег составлялась сцена, и начинался концерт.

Успех – потрясающий! Было здорово и необычно.

Через 3 года на форуме авторской песни в Старом Осколе создал он ателье «бард-рока».

Сам вёл мастер-классы, работал в жюри.

В 2007-м проходил очередной фестиваль «заозёрников» «Междуречье».

Последний фестиваль, на котором Геннадий Жуков пел и читал стихи...

И, возможно, написал тогда одно из последних стихотворений. «Фотография. Игорь, Геннадий, Виталий».

То есть Бондаревский, Жуков, Калашников.

И ночью дом гудел, как орган.

И ночью была пурга.

А утром с гвоздя оборвался портрет –

Три брата: поэт, поэт и поэт,

Три друга глядели на белый свет,

Три недруга, три врага.

29 августа 2008 года в Коктебеле Геннадий Жуков и Сергей Яцуненко открыли первый фестиваль авторской песни «Коктебельские встречи».

И всё как-то плавно перетекло на Всемирный Бард-Тур-Слёт – фестиваль богатых бардов.

Геннадий к таковым не относится, потому разложил свой спальник в парковой беседке.

И жил там всю неделю. Место это назвали «бомжуковка».

- Вот что такое отсутствие мотивации? Когда думаешь, надо вот это сделать, вот этого добиться – а зачем, собственно?

И вдруг понял, что у меня единственная мотивация: когда я сижу с авторучкой над чистым белым листом.

Это, как сказал Маяковский, «езда в незнаемое». Мне эта езда по нутру. Я же не знаю, где выбреду.

Бывают люди, рождённые с даром творить, бывают люди, которые всю жизнь ищут этот дар. Одни его находят, другие бродят неприкаянные.

А есть такие, которые спокойно уживаются с отсутствием какого бы то ни было «дара».

Что ты делаешь, говорит о том, кто ты. Как ты делаешь, говорит о том, какой ты.

За каждый путь приходится платить.

Выбрал этот – заплати. Видишь, как я плачу. Ничего у меня нет, кроме меня. Есть Наташа, гитара – и всё.

Наташа Строкова, неофициальная жена, муза.

Впрочем, к поэзии и прочей творческой деятельности муза никакого отношения не имела.

По образованию – техник-математик-программист.

Она вдохновляла одним своим присутствием.

Были ещё 2 жены – официальные – Инга Маневич и Светлана Каковкина.

Но не только жёны были музами. Много было муз...

Обожающие его студентки-стихослагательницы.

Полина Алёшечкина, Елена Дружкова, Оля Белякова, Оля Фёдорова, Люба Захарченко, Света Макаренко...

Если сердце одно –

как возлюбленной каждой отдать?

Если мало мне рук – как любимых детей обнимать?

Если мало мне пальцев –

как струны заставить звучать

В лад с душой, что – как дерево – высохнет, стоя?

Светлана Макаренко, ныне поэтесса Лана Астрикова:

- Если всякий пишущий это необычный, особый мир, то Геннадий Жуков – космос, Вселенная.

Ибо масштаб поэзии – громада.

А Люба Захарченко, как говорили, любила его очень сильно:

Я согнулась, как подкова,

Я глупела на глазах,

Я готова для такого

Утопить себя в слезах.

Геннадий остался холоден.

Люба погибла в самом начале 2008-го. Геннадий, словно завершая гибельный год, ушёл в конце.

*Ты просишь рассказать, какая ты...
Такая ты... Какая ты... вестимо –
Ты мне понятна, как движенье мима,
И – как движенье – непереводима.*

*Как вскрик ладоней и как жест лица...
И вот ещё – мучения творца –
С чем мне сравнить любимую? С любимой?
Я слово, словно вещего птенца,*

*Выкармливал полжизни с языка!
Из клюва в клюв: такая ты, такая...
Дыханьем грел: такая ты, такая...
И лишь сегодня понял до конца –*

*Тобой моя наполнилась рука –
Вот смысл всепонимания людского!
А слово... Что ж, изменчивое слово —
Как птичий крик вспорхнёт и возвратится,*

*Изменчивости детской потакая,
Изменчивостью детскою губя.
И лишь прикосновенье будет длиться.
И только осязанье длится, длится...*

Так слушай же: такая ты... такая...

О, слушай же, как я люблю тебя!

Владимир Ершов:

- Как же всё-таки повезло друг на друга: ни бедность, ни деньги, ни слава, ни женщины не смогли разорвать их круг.

Со временем стали видеться всё реже, но невидимая дольнему миру связь с годами становилась всё крепче и надёжней...

Окликали друг друга через пространства, каждый раз убеждаясь, что строй не нарушен, что всё ещё летят вместе.

Нет уже ни Ершова, ни Калашникова, ни Брунько, ни Исмагилова, ни Башлачёва, ни Непомнящего, ни Дягилевой, ни Д'ркина, ни Яцуненко, ни Любы Захарченко...

Остался один Бондаревский...

В последние годы Геннадий Викторович Жуков болел атеросклерозом.

Умер 2 декабря 2008 года.

По сути – от алкоголизма, перенеся два инсульта подряд.

Он очень любил белый цвет.

Его и похоронили в белом – там, в Недвиговке.

С красным шарфом, какой он неизменно носил.

*Вы потом всё припомните, как сновиденье –
Наши долгие томные игры глазами,
Что ответили губы, что руки сказали,
Наши разные мысли, полночные бденья.*

*Дом дощатый скрипучий, скандальных поэтов,
Полустанок, где ясно цветёт бузина.
Бузина – что как лилия – светит со дна
Неглубокой пиалы рассеянным светом.*

*Вы потом всё припомните, словно награду –
Как сухая трава оплетала ограду,
Ту ограду, что нас от всего ограждала,
Под напором дрожала, да не оградила...*

*Потому, что жила в нас дремучая сила,
Потому, что легко от всего оградиться,
Только нужно нам было попроще родиться,
Чтобы нам не пришлось от себя ограждаться.*

*Всё равно вы припомните тайные слёзы,
И, как тайную радость, припомните горе,
Вы припомните город, где мы не похожи
На любимых людей, что забудутся вскоре.*

*Мне потом всё припомнится, как утоление
Жаркой жизни – любимые юные лица.*

*Я не знаю, пред кем мне стоять на коленях
За случайную жизнь, что до смерти продлится.*

СЛОВАРЬ:

Акын – певец-стихослагатель у восточных народов.

Андеграунд – неформальные или запрещённые виды искусства.

Анпилов Андрей Дмитриевич – писатель, бард и художник.

Бард – певец или поэт, исполняющий собственные сочинения.

Башлачёв Александр Николаевич – бард, рок-музыкант, художник и журналист, трагически погиб в 27 лет.

Бондаревский Игорь Борисович – донской поэт и художник.

Брунько Александр Виленович – донской поэт.

БСМП – больница скорой медицинской помощи.

Веня Д'ркин (Литвинов Александр Михайлович) – бард, рок-музыкант и художник.

ВИА – вокально-инструментальный ансамбль.

ВКП(б) – Всероссийская коммунистическая партия большевиков.

Диоген Синопский – древнегреческий философ, по преданию, жил в бочке.

Дягилева Яна Станиславовна – поэтесса и рок-певица, трагически погибла в 24 года.

Ершов Владимир Данилович – донской поэт и художник.

Захарченко Любовь Ивановна – правовед и известная ростовская представительница авторской песни, организатор фестиваля «Ростовское метро».

Исмагилов Анвар Айдарович – донской бард.

Калашников Виталий Анатольевич – донской писатель и переводчик

Караимы – потомки хазар (тюркских кочевников VII-X веков), принявшие иудаизм.

Катарсис – процесс высвобождения эмоций, в том числе и через искусство.

Киршон Владимир Михайлович – писатель и редактор, известен как автор стихотворения «Я спросил у ясеня...»

Козаков Михаил Эммануилович – известный советский писатель, отец актёра Михаила Козакова.

Колосов Марк Борисович – писатель, военный корреспондент, литературный редактор Н. А. Островского.

Комбик – гитарный усилитель звука.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет.

Лензавод – Ростовский электровозоремонтный завод имени В. И. Ленина.

Лесючевский Николай Васильевич – главный редактор издательства «Советский писатель».

«Москва - Петушки» – сатирическая поэма В. В. Ерофеева.

Некрополь – большое кладбище.

Непомнящий Александр Евгеньевич – бард, рок-музыкант.

ПВО – противовоздушная оборона.

Понт Евксинский (Гостеприимное море) – древнегреческое название Чёрного моря.

Рабкор – рабочий корреспондент.

РАЕН – Российская академия естественных наук.

РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей.

«Растеряева улица» – речь о книге Г. И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» (жизнь бедноты на убогой и грязной городской окраине).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

Рок – направление популярной музыки.

Свирин Николай Григорьевич – секретарь Ленинградского союза писателей, пушкинист.

Семёнов Сергей Александрович – известный писатель, участник арктической экспедиции на корабле «Челюскин».

Ставский Владимир Петрович – писатель, военный корреспондент, редактор, генеральный секретарь Союза писателей СССР.

Туника – древнегреческое одеяние.

Футурология – прогнозирование будущего.

Хитон – древнегреческое одеяние.

Чекушка – небольшая бутылка спиртного.

Шорник – мастер по изготовлению конской упряжи.

Эпистола (французское) – послание в стихах.

ЮНЕСКО (английское UNESCO) – учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры

Яцуненко Сергей Григорьевич – крымский бард.

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Андриасов М. До последнего патрона. // Огонёк. – 1975. – № 51. – С. 19.

Беликов Ю. Рай, выдуваемый из ада. // Литературная газета. – 2009. – 5 августа. – С. 8.

Блюм А. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов. – СПб.: Университет культуры и искусств, 2003.

Бражкина А. Танаис. Зал славы Жукова. // Неизвестный Ростов. – 2009. – 10 июня. – С. 5.

Бусыгин А. Избранное. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1977.

Бусыгин А. Родня. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986.

Гегузин И. Страницы ростовской летописи. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1977.

Гордеева Н. Из истории журналистики Дона. – Ростов н/Д: РГУ, 1977.

Гордеева Н. Литературный Ростов 20-х. – Ростов н/Д: РГУ, 1967.

Джичоева Е. Они погибли под Вязьмой. // Наше время. – 2015. – 3 апреля. – С. 12.

Ершов В. Заозёрный андерграунд: там, в Танаисе... // Про Ростов. – 2009. – № 6. – С. 40.

Жак В. Рассказ о старшем товарище. // Дон. – 1980. – № 11. – С. 173.

Жак В. Собкор трудового народа. // Молот. – 1980. – 27 ноября. – С. 4.

Жуков Г. Колокольный конь. – М.: Молодая гвардия, 1989.

Жуков Г. Эпистолы: Другьям моим единственнѹм. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1989.

Из темноты кулис: Ростовский ТЮЗ. Разный и всегда новѹй. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1998.

Каверда Е. Принцесса белѹх лебедей... // Батайское время. – 2008. – 27 августа. – С. 8.

Каминская М. Башня поэтов, храни свой секрет! // Наше время. – 2019. – 9 августа. – С. 13.

Каминская М. Ветреннѹй поэт. // Наше время. – 1997. – 26 июля. – С. 8.

Котовсков В. Наши земляки. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 2008.

Мирзабекова Н. Укатилась бусина... укатилась... // Молот. – 2008. – 5 декабря. – С. 3.

Моложавенко. В. Костры памяти. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985.

Стальскѹй. Н. Друзья-писатели: воспоминания. – М.: Советскѹй писатель, 1970.

Султан-Гирей Н. Рубикон. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1993.

Султан-Гирей Н. Флорентийскѹй изгнанник. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1996.

Чеснок В. Поэт и вечность. // Ковчег Кавказа. – 2009. – № 1. – С. 6.

Цыпкина С. Ростовских поэтов нашли не дуэльнѹе пули. // Вечернѹй Ростов. – 2000. – 19 июня. – С. 5.

Шолоховская энциклопедия. – М.: Издательскѹй дом «СИНЕРГИЯ», 2013.

Эхо Танаиса. – Ростов Н\Д, Ростовская областная специальная библиотека для слепѹх, 2008.

Эхо тысячи концертов: поэты «Заозёрной школы». – Ростов н/Д:, 2019.

Ягозинский В. Поэт-кочевник вернулся в родной город. // Вечерний Ростов. – 2007. – 14 авг. – С. 7.

Биографии. Геннадий Викторович Жуков // Livejournal, 15.09.2009. – URL: <https://gennadi-jukov.livejournal.com/453.html> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Бровкина, Марина. Княжна Наталья // Кто главный, №57. – URL: https://kg-rostov.ru/history/histori_cult_person/knyazhna-natalya/ (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Галина Ульшина о Наталье Максимовне Султан-Гирей // Livejournal, 03.10.2010. – URL: <https://rostov-80-90.livejournal.com/275255.html> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Геннадий Жуков // Изба-Читальня. – URL: <https://www.chitalnya.ru/users/isbajukov/> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Гётц, Хиллинг. Антон Макаренко contra Наталья Гирей // RELGA, № 20. 20.12.2011. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3084&level1=main&level2=articles> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Жуков, Геннадий Викторович // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2,_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%B9_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Жуков Геннадий Викторович // Донские страницы. – URL: <http://pro-don.dspl.ru/personnelinfo/poet-gennadij-zhukov---zhizn-i-tvorchestvo> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Жуков, Геннадий. Я к вам пришёл, и вот я ухожу... // 45 параллель, №34, 01.12.2009. –

URL: https://45parallel.net/gennadiy_zhukov/ (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Китасова, Инна. Заозёрные курганы Недвиговки // Стихи.ру. – URL: www.stihi.ru/poems/2008/04/21/422.html (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Легенды и мифы Геннадия Жукова // Livejournal, 18.12.2009. – URL: <https://rostov-80-90.livejournal.com/101397.html> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Наталья Султан-Гирей // Livelib. – URL: <https://www.livelib.ru/author/215514-natalya-sultangirej> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Они погибли под Вязьмой // Nvgazeta, 03.04.2015. – URL: <http://www.nvgazeta.ru/news/12389/499013/> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Таврический, Анатолий. Великий шёлковый путь Геннадия Жукова // Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2023/05/22/1666> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Тексты песен барда Геннадия Жукова // Предание.ру. - URL: <https://predanie.ru/book/217414-teksty-pesen-barda-gennadiya-zhukova/> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Ульшина, Галина. Белые пятна отечественной литературы и способы их стирания // Newsland, 01.09.2010. – URL: <https://newsland.com/post/524292-belye-piatna-otechestvennoi-literatury> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Цой, Галина. У погоста // Проза.ру. – URL: <https://proza.ru/2011/03/17/1088> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

Шталь, Евгений. Она писала жизнь как роман. // Мурманский вестник, 21.08.2010. – URL: <https://www.mvestnik.ru/society/pid2010082130661/> (Дата обращения: 13.05.2025). – Текст: электронный.

*

Книга «Вы потом всё припомните, как сновиденье...» рассказывает о жизни и творчестве донских писателей.

Александр Иванович Бусыгин, Наталья Максимовна Султан-Гирей и Геннадий Викторович Жуков.